

С. В. МИРОНЕНКО

Александр I.

«Сфинкс, не разгаданный до гроба...»

<Фрагмент>

<...> В историографии еще со времен М. И. Богдановича¹, А. Н. Пыпина и Н. К. Шильдера распространилось убеждение, что характеру Александра были свойственны скрытность, двойственность и неискренность. Считалось и считается до сих пор, что основы для этого были заложены с самого детства. Юному великому князю приходилось якобы постоянно лавировать между бабушкой и отцом, поскольку хорошо было известно о крайне сложных отношениях между Екатериной II и ее сыном. В Зимнем дворце Александр был одним, в Гатчине он старался выгладеть по-иному. Кажется, что поначалу дело обстояло не совсем так или даже совсем не так. Павел искренно и глубоко любил своего первенца. Об этом свидетельствует их переписка. Такими же чувствами ему отвечал и Александр. Ему не было необходимости насиловать себя, выбирая то одну, то другую маску. Он одинаково хорошо чувствовал себя в общении и с бабушкой, и с отцом. В Гатчине он с удовольствием отдавался военным занятиям и сохранил на всю жизнь страсть к военным упражнениям, учениям войск и парадам. Гатчинская муштра отнюдь не противоречила его тонкой натуре, а широкая образованность Павла позволяла отцу и сыну не ограничивать общение лишь одной вахтпарадной сферой.

Однако конфликт между отцом и сыном не мог не возникнуть. Не последнюю роль в этом сыграли политические интриги. Важным обстоятельством, приведшим к очевидному охлаждению отношений между Павлом и Александром, стало намерение Екатерины передать престол, минуя сына, внуку. Молва об этом широко распространилась в петербургском обществе. «С конца 1793 года шла речь о лишении престолонаследия великого князя Павла Петровича, возбуждавшего всеобщую ненависть, и о возведении на престол по кончине государыни старшего внука ее Александра», — вспоминал впоследствии Лагарп. Сделать это без согласия Александра было невозможно, и, чтобы

добиться желаемого, Екатерина решила действовать через Лагарпа. В октябре 1793 года между ними состоялся долгий разговор, который окончился ничем. Лагарп решительно отказался от приготовленной для него Екатериной роли — он был до глубины души возмущен предстоящей насильственной мерой. Вряд ли можно сомневаться, что Александр был осведомлен о планах императрицы. Существует версия, что он сам рассказал обо всем отцу. Не это ли было толчком к впервые возникшей у него в это время мысли не вступать на российский престол, а вместе с женой покинуть родину и, поселившись где-нибудь на берегах Рейна, жить скромной частной жизнью. Как бы то ни было, ясно одно — дело не было доведено до конца. Когда в ноябре 1796 года Екатерина внезапно скончалась, на престол взошел Павел I.

Взрослея, Александр стал больше задумываться о состоянии России. Его отношение к отцу, к формам и существу его правления менялось. Постепенно решающим стало желание, вступив на престол, избавить родину от бездны тех нелепостей, в пучину которых была ввергнута Россия волею отца. «Мой отец по вступлении на престол, — писал Александр Лагарпу 27 сентября 1797 года в одном из самых откровенных своих писем, переданном, минуя официальные каналы, через своего ближайшего друга Н. Н. Новосильцева, — захотел преобразовать все решительно. Его первые шаги были блестящими, но последующие события не соответствовали им». «Мое несчастное отечество, — продолжал наследник, — находится в положении, не поддающемся описанию. Хлебопашец обижен, торговля стеснена, свобода и личное благосостояние уничтожены». Александр откровенно писал Лагарпу, что его планы отречься от следующего ему по закону престола и покинуть родину, о которых тот был хорошо осведомлен, теперь решительно изменились. «Если когда-нибудь придет и мой черед царствовать, — продолжал он, — то вместо добровольного изгнания себя я сделаю несравненно лучше, посвятив себя задаче даровать стране свободу и тем не допустить ее сделаться в будущем игрушкой в руках каких-либо безумцев». Под свободой, которая гарантировала бы России защиту от самовластного произвола, Александр имел в виду Конституцию. Тут же Александр признавался, что поделился своими мыслями с близкими ему людьми.

Александр имел собственные практические основания для подобной оценки деятельности отца. К этому времени он уже обладал административным опытом. В 1796 году великий князь был назначен военным комендантом Петербурга и должен был представлять отцу ежедневные рапорты о происшествиях в столице. Кроме того, он был шефом л.-гв. Семеновского полка, инспектором по кавалерии и пехоте Санкт-Петербургской и Финляндской дивизии. Позднее, но еще в царствование Павла, он стал сенатором и получил место председателя

комиссии, в ведение которой перешли все функции по управлению столицей. Вокруг него сложился так называемый кружок «молодых друзей» — интеллектуалов, принадлежавших к элите петербургского высшего общества и мечтавших о реформах. В числе ближайших друзей Александра были князь Адам Чарторийский, граф Павел Александрович Строгонов, Николай Николаевич Новосильцов и граф Виктор Павлович Кочубей. Все они впоследствии стали крупными государственными деятелями и в разное время занимали высшие посты в российском государстве. Мысли о необходимости реформ в «духе времени» были обычной темой их разговоров. Александр даже поручил Чарторийскому составить проект манифеста на случай своего восшествия на престол. В своих воспоминаниях Чарторийский с изрядной долей иронии писал о сочиненной им бумаге. Она была мало пригодна для использования, но Александр был в восторге. В проекте излагались мысли о «неудобствах образа правления, существовавшего дотоле в России, и о всех выгодах другого, который Александр намеревался ей даровать, о благодеяниях свободы и справедливости, которыми ей предстояло пользоваться по устранении стеснений, препятствовавших ее благоденствию». Возможно, о настроениях наследника и его молодых друзей стало известно Павлу. Во всяком случае, он постарался разлучить Александра с его конфидентами. Чарторийский был отправлен в почетную ссылку, получив место российского посланника в Сардинии. Под благовидными предложениями были удалены из столицы и другие члены кружка.

Для характеристики и времени, и отношений Павла с Александром чрезвычайно показателен анекдот (так в XVIII веке называли устные истории, получавшие распространение в обществе), отразивший характерную черту отношений императора и наследника. Рассказывали, что однажды, войдя внезапно в комнату Александра, Павел нашел на его столе трагедию Вольтера «Брут», которая заканчивается словами «Рим свободен: он (Цезарь.— С. М.) мертв... Вознесем благодарение богу». Усмотрев в этом непосредственную связь с сегодняшним днем, Павел поступил в свойственной ему манере — прислал сыну (по другой версии — показал) указ Петра Великого о казни царевича Алексея.

Цареубийство и восшествие на престол... Во всей этой истории до сих пор нет полной ясности. Сами заговорщики уверенно называли Александра главой заговора. Л. Л. Бенигсен в своих воспоминаниях писал, что, когда П. А. Зубов пригласил его принять участие в заговоре, он сразу задал вопрос: «Кто стоит во главе?» «Когда мне назвали это лицо, — продолжал Бенигсен, прямо не упоминая имя Александра, но и не оставляя никаких сомнений, что речь шла именно о нем, — тогда я, не колеблясь, примкнул к заговору, правда, шагу опасному, однако необходимому, чтобы спасти нацию от пропасти, которой

она не могла миновать в царствование Павла». В действительности Александр не был реальным главой заговора. Он, несомненно, знал о его существовании. Но в разговоре с Н. П. Паниным не решился сказать ни нет, ни да на осторожно высказанную мысль о необходимости для спасения страны отстранить отца от власти.

Что задумали заговорщики? Хотели ли они добиться только отречения или заранее готовились к убийству? Споры об этом продолжаются до сих пор. Ясно одно — своей позицией Александр развязал им руки. И здесь уже не так важно, что, как утверждают некоторые современники, он согласился взойти на престол только при условии, что ни один волос не упадет с головы отца. Интересно, верил ли он сам в подобный исход?

11 марта Павел был убит заговорщиками, и 23-летний Александр вступил на российский престол. Известие о смерти отца ему принес 19-летний К. М. Полторацкий², прапорщик Семеновского полка, стоявшего в карауле в Михайловском замке. Александр «сидел в кресле без мундира, но в лосинах и белой рубашке с голубой лентой поверх нее. Увидев меня, он поднялся очень бледный, я отдал ему честь, первым назвав его «Ваше императорское величество». — «Что ты! Что ты, Полторацкий, — сказал он прерывающимся голосом». Тут вошедшие Пален с Бенигсеном отстранили Полторацкого, и Пален «очень тихо сказал несколько слов императору». Александр воскликнул в ответ, как пишет Полторацкий, «с горестным волнением»: «Как вы осмелились? Я этого никогда не требовал и не разрешал», — и без чувств упал на пол. Нового императора привели в сознание при помощи нашатыря, и Пален, опустившись на колени, сказал ему: «Ваше величество, теперь вам не время <...> 42 миллиона людей зависят от вашей твердости». Через десять минут новый император появился перед гвардией, охранявшей дворец, и произнес слова, которые стали символом «дней Александровых прекрасного начала»: «Батюшка скончался апоплексическим ударом, все при мне будет как при бабушке».

Лагарп тут же откликнулся на трагические события в Петербурге примечательным письмом, в котором, кстати, называл Павла «первейшим и вернейшим из друзей» Александра. Далее он писал, повторяя те мысли, которыми много раз делился со своим воспитанником: «Я вовсе не поздравляю вас с тем, что вы стали властителем 36 миллионов человек, но вместе с ними радуюсь, что судьба их отныне в руках государя, убежденного, что *права человека* (подчеркнуто Лагарпом. — С. М.) не пустая иллюзия».

